

РЕЦЕПЦИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ ИСЛАНДИИ В ИСЛАНДСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1970-2020Х ГГ.

О. А. Маркелова

Изображение первичного заселения Исландии в современной исландской поэзии и прозе в течение 50 лет претерпело заметную эволюцию. Во второй половине XX в. сюжет о первопоселенцах воспринимался как всем известный национальный топос, обладающий, прежде всего, эмоциональной и символической ценностью и, ввиду своей общеизвестности, могущий провоцировать ироническое отношение к себе. В литературе XXI в. в центре внимания уже не символический, но исторический и психологический аспекты этого события.

Ключевые слова: рецепция, «Книга о занятии земли», Landnámabók, древнеисландская литература, исландская поэзия XX века, исландская проза XXI века, исторический роман, поэзия.

Занятие земли (landnám) – событие, без которого не существовало бы исландского общества и исландской культуры. Сам этот процесс описан в древнеисландском источнике «Книге о занятии земли» (Landnámabók) [6] - тексте, сохранившиеся рукописи которого датируются XII-XIII вв., т. е. два столетия спустя после самого заселения. Датой заселения Исландии считается 874 год (во всяком случае, именно эта дата фигурирует в официальном дискурсе). Сюжет о первичном заселении острова в исландской литературе в чём-то сродни сюжету мифа о первотворении и о первых культурных героях. (Об этом неоднократно писали исследователи самой «Книги о занятии земли», см., напр., [3], [5]).

С течением веков «Книга о занятии земли» подвергалась разнообразной рецепции, и каждая эпоха переосмысляла её по-своему. Особенно пристальное внимание на неё обратили в XIX веке, в эпоху национального романтизма: в 1835 году в журнале «Фьельнир» (печатном органе исландцев, выступавших за культурную независимость от Дании) было опубликовано стихотворение поэта Йоунаса Хатльгримссона (1807-1845), в котором первые поселенцы на острове именовались „feðurnir frægu og frjálsráðu hetjurnar góðu“

(пращурь знаменитые и герои свободы добрые). В 1874 г. другой крупный исландский поэт - Маттиас Йокумссон (1835-1920) пишет стихотворение „Minni Ingólfs“ – «Памяти Ингольва», где речь идёт об Ингольве Арнарсоне – человеке, которому приписывают лавры первого поселенца в Исландии. По жанру это ода, а Ингольв там именуется „Ingólfur Arnar-bur íturhreinn í lundi“. (Ингольв отпрыск Арна, помыслами чистый). (Оба примера цитируются по [4, bls. 377-378]).

К XX веку романтический и героический пафос в стихах о первопоселенцах уступает место скептицизму. Если в 1930х гг. крупный поэт Давид Стефанссон ещё называет первопоселенцев „þér landnemar, hetjur af konungakyni“ (вы, поселенцы, герои королевского рода) (цит.по. [4, bls. 378]), то в 1942 году Стейнн Стейнарп (1908-1958) (известный в истории литературы как первый – или, во всяком случае, самый заметный – исландский поэт-модернист) описывает первопоселенца от первого лица следующим образом: „ég er lítill maður og lágur til hnésins“ («я человек маленький, и колени у меня низкие») (цит.по. [4, bls. 378]) – портрет первопоселенца является крайне сниженным.

В данном исследовании меня будет интересовать рецепция заселения Исландии (и «Книги о занятии земли») в исландской поэзии и прозе последних десятилетий XX в. начала XXI в.

В 1972 году рок-поэт Мегас (Магнус Тоур Йоунссон, род. 1945) выпустил песню «О бесполезной находчивости Ингольва Арнарсона», входящую в цикл о ключевых исторических деятелях Исландии, где они предстают в сниженном виде, а их биографии пересказываются языком деклассированных жителей Рейкьявика. Текст «О бесполезной находчивости Ингольва Арнарсона» („Um óþarflega fundvísi Ingólfs Arnarsonar“) построен как типичная патриотическая песня: исторические лица выступают только в функции символов славного прошлого, подчеркнута преемственность времен от древности к современности. Однако современность у Ингольва в тексте сомнительная: там присутствует отсылка к холму Арнархотль, на котором стоит статуя Ингольва, а в 1970-80е гг. собирались рейкьявикские алкоголики. На Ингольва возлагается ответственность за все недостатки современного исландского общества и за суровый климат острова (страдания от холода по ночам, очевидно, отсылает к завсегдашам этого холма). Вместо оды первому поселенцу на исландской земле Мегас создает «антиоду». Последняя строфа звучит так:

Dví segi ég skál fyrir Fróni og Fjölni
og allt það
og firðum snjöllum sem þar hafa
skrímt og hrokkið
við minnumst Ingólfs Arnarsonar í
veislum
en óskum þess að skipið hans það
hefði sokkið [8, bls. 63]

И мы на пиру высоко поднимем
бокалы
за великих героев, что создавали
страну,
и Ингольва вспомним – но про себя
пожелаем,
чтобы корабль его лучше пошёл бы
ко дну¹.

Как замечает исландский историк Гюннар Картльссон: «сложно зайти дальше в развенчивании истории о нашем первопоселенце» [4, bls. 379].

К известным персонажам и сюжетам «Книги о занятии земли» обращается и другой крупный поэт – Тоураринн Эльдьяуртн (род. 1948).

В 1980-1990е гг. он написал несколько стихотворений о первопоселенце Ингольве. Согласно «Книге о занятии земли» Ингольв, подплывая к земле, выкинул в море столбы от своего почётного сидения, потом поручил рабам искать их и воздвиг жилище там, где они нашлись – на месте современного Рейкьявика. [6, bls. 42, 44-45]. (Стилизованное изображение этих столбов помещено на современном гербе исландской столицы).

Пример иронического осмысления Ингольва Арнарсона в творчестве Тоурарина Эльдьяуртна можно видеть в детском стихотворении „Ingó“. (Рус. перевод – «Про первопоселенца Ингольва Арнарсона»). В нём герой носит современное уменьшительное имя и оказывается «в правильном Рейкьявике в совершенно неправильную эпоху» — в современном городе, где есть резиновые галоши, телефоны и посудомоечные машины. Герой - одновременно живой человек, случайно переместившийся в современность из прошлого, и поставленный этому человеку памятник.

¹ Художественный перевод принадлежит автору статьи, неопубл.

Hann kemur auga á ótal hús,
með uppþvottavél og síma:
HANN ER Í RÉTTRI REYKJAVÍK
Á RÖNGUM KOMUTÍMA.

Hann gengur upp á grænan hól
og gerist fyllibytta,
og er þar síðan alla tíð
algjör myndastytta. [14, bls 452]

Вокруг дома; в них телефон,
кофейник на плите...
Всё верно: в Рейкьявике он,
да времена не те!

С досады запил, загулял
он на холме горбатым
и с той поры на нём стоял –
как статуя [2].

Как и в тексте Мегаса, коннотации, связанные в современном Рейкьявике с этим памятником, снова переносятся на самого Ингольва. В последней строфе он принимает черты городских пьяниц, собирающихся вокруг его памятника.

Столбы от почётной скамьи Ингольва используются как символ в стихотворении «Tillaga umhandhægt ferðasett handa róetískum flóttamönnum» («Проект походного набора для поэтических беженцев»). В тексте этого стихотворения ни разу не упоминается имя самого Ингольва - только столбы и мотив бегства, изгнанничества. (Согласно формулировке, неоднократно встречающейся в «Книге о занятии земли», многие норвежцы – и Ингольв не был исключением - бежали на вновь открытые земли в северной Атлантике „fyrir ofríki Haralds konungs hárfagra“ - «из-за произвола Харальда Прекрасноволосого»). Хотя в стихотворении не упоминается сам Ингольв, там фигурируют его рабы Вивиль и Карли (с которыми связано несколько топонимов на юго-западе Исландии).

Облик столбов в стихотворении весьма нечётко. (Впрочем, в наше время археологи не в состоянии сказать, как в

точности выглядела эта реалья древне-скандинавского быта).

Súlurnar
þurfa umfram allt
að vera meðfærilegar
best er að á þeim sé handfang eða takki
svo hægt sé að losa þær eldsnöggt
frá hinum hæga sessi [14, bls. 226].

Столбы
должны быть такими
чтоб их удобно было брать с собой
лучше всего, чтоб они были с ручками
или с кнопками
чтоб мгновенно отстегнуть их
от почётного сидения [2].

Судя по этому фантазмагорическому описанию столбов, в данном случае вещь, изначально призванная маркировать некое важное место в доме, приспособляется к потребностям героя, оставившего свой дом. Также они входят в некий «походный набор для поэтических беженцев», — т. е. их связь с поэзией манифестируется с самого начала стихотворения. В заключительной части стихотворения столбы взлетают. Таким образом, они превращаются в универсальный символ «возвышенного», актуализуя расхожее представление об Исландии как о «поэтической» стране».

Тенденцию описания заселения Исландии в символическом ключе, возможно, даже оторванном от исторических реалий и от реалий древних текстов, можно видеть в цикле Сигурда Паульссона „Ljódnámuland“ («Землювзялстих»). Это длинный цикл из книги стихов „Ljódnámusafn“ («ВСЁВЗЯЛСТИХ»), написанных в 1980-1990е гг. Процесс отплытия по морю и заселения новой земли описывается там как происходящий здесь и сейчас от первого лица мн.ч. (плывут некие «мы»). Главный объект описания – впечатления и переживания лирических героев. Из предметного мира там описано только то, что не имеет атрибуции к конкрет-

ной исторической эпохе: море, природные объекты. Занятие земли оказывается одновременно делом очень личностным и универсальным. Отсылки к конкретным реалиям в истории Исландии и культуре Скандинавии там немногочисленны, но могут быть восприняты читателем, знакомым с ними. Так, в первом стихотворении цикла фигурирует слово „ofríki“ («произвол») – в «Книге о занятии земли» именно оно используется для характеристики политики Харальда Прекрасноволосого. (Примечательно, что там же фигурирует „ljónshjarta“ («львиное сердце»), отсылающее уже к другой исторической личности; впрочем, эта отсылка здесь никуда не ведёт).

I. Ofríkið græddi í okkur ljónshjarta
Hvergi var lengur vettvangur okkar né tún
Flóttinn mesta hetjudáðin [9, bls. 15]

От произвола чужого сердца у нас сделались львиными
Не осталось ни поля нам, ни покоса
Величайшей доблестью стало бегство [1, с. 13].

Переселение в новые земли оказывается для героев отчасти оксюморонным действием: они пускаются в бегство от грозящего им зла, однако это бегство является проявлением не трусости, а мужества.

В третьем стихотворении цикла упоминаются вороны и столбы:

III Hrafnar flugu úr huga okkar frjálsir
Súlur svömluðu
með rótfestu okkar alsetta verndarorðum

Súlur og hrafnar:
Boginn og örvarnar
Tréð og söngur fuglanna
Staðfestan og hugarflugið [9, bls. 17]

Вылетели вороны
из мыслей наших вольные
закачались столбы на волнах
с нашим корнем обсаженным
словами осторожными

Столбы и вороны:
лук и стрелы
дерево и птичья песнь
устойчивость и полёт мысли [1, с. 17].

Это отсылка к двум сюжетам: 1) сюжету о Храпна-Флоки («Флоки с воронами»), одному из первопоселенцев (который, впрочем, не задержался в Исландии надолго). Согласно «Книге о занятии земли», он выпустил с корабля ворона, чтоб тот указал, близко ли суша. [6, bls. 36] Сам по себе ворон – птица, обладающая множеством мифологических коннотаций, так что в этом стихотворении отсылка к «Книге о заселении земли» прочитывается одновременно и как мифологическая аллюзия – особенно, если принять во внимание, что эти вороны вылетают «из мыслей» - явная отсылка к воронам Одина, Хугину и Мунину, чьи имена означают «мысль» и «память». Поселенцы на новых землях, ни много, ни мало, уподобляются богам – очевидно, демургам, т. к. им предстоит создать с самого начала новый мир. Столбы в данном тексте отсылают к уже упомянутому сюжету об Ингольве.

Настроение всего цикла очень оптимистично: радость новых открытий и новых возможностей созидания:

V Landslagið
Landslögin

Landslag skal byggja
Með landslögum byggja

Ný fjöll og nýir staðir
Óskrifadar arkir
Kitlandi hugsun:
Hér á ég heima
Petta landslag mun fylgja mér

á efsta degi
Héðan verða
minningar

Nú er að lifa! [9, bls. 19]

Располагается
и полагается

На земле, что здесь расположена,
будем жить, как законом положено

Новые горы, новые веси
неисписанные листы
и щекотная мысль
Здесь мой дом
этот пейзаж будет со мной
в последний мой день
отсюда пойдут
воспомианья

Теперь мы здесь заживём! [1, с. 21].

Слова „Landslagið – Landslögin“ в этом стихотворении – также отсылка к древнескандинавским текстам, в первую очередь – аллюзия на знаменитую крылатую фразу „Með lögum skal land byggja“ («На законах земля/страна должна зиждиться»). Само слово landslög“ может быть прочитано как мн.ч. от „landslag“ – «ландшафт», но и как „lands-lög“ = «Законы странь». В пределах одного слова соединяется ландшафт и социум, и интерпретации могут быть многогранными.

В той же книге «ВСЁВЗЯЛ СТИХ» есть длинное стихотворение под названием „Landnámið“ [9, bls. 103-106], (рус. перевод – «В новые земли» [1, сс. 157-161]. Примечательно, что оно завершает собой цикл „Ljóðnámumenn“ (Людвзялстих), где речь идёт об авторах (!) знаменитых саг, т.е. гениальных средневековых прозаиках, не известных по именам. Все авторы саг в этом цикле обладают чертами демиургов: автор «Саги о Ньяле» даёт горе имя [9, bls. 99; 1, с. 150]. Автор «Саги о людях из Лососьей долинь» вычитывает из небес-

ных явлений сюжет будущей саги [9, bls. 102; 1, с. 155], автор «Саги о людях из Озёрной долинь» видит во сне мифологические символы, языческие и христианские [9, bls. 100; 1, с. 153]. (Подробно об этих стихотворениях см.: [7]). В таком контексте заселение земли – то, что предшествует деятельности всех этих демиургов. Место этого стихотворения в цикле даёт ему следующее прочтение: если в предыдущих стихотворениях цикла речь шла о частных случаях первотворения (а таким случаем несомненно является художественное творчество, в данном случае, написание саги), то заселение земли – всеобъемлющее первотворение. В финале этого стихотворения девушка, участвующая в заселении земли, спутница лирического героя, превращается в божественную фигуру: играет на арфе, подобно музе. Если в предыдущих стихотворениях речь шла об отдельных авторах, то здесь – о том, кто стоит за созданием этих текстов.

Уже в XXI веке значимых текстов о заселении Исландии становится меньше, и среди них преобладают прозаические тексты.

В романе Пьетора Гюннарссона (Pétur Gunnarsson, род. 1947) «Картина мира» (Myndin af heiminum, 2000) заселению Исландии отведена важная роль. Сам роман построен как стилизация средневековых исторических сочинений: история в нём начинается от сотворения мира, и заселение Исландии вписано в мировой исторический процесс.

Книга Идунн Стейнсдоттир (Ídunn Steinsdóttir, род. 1940) «Маленькие первопоселенцы» (Litlu landnemarnir, 2001) – исторический роман, адресованный детям, в котором переселение в Исландию из Норвегии описывается с точки зрения троих детей, Исольва, Атли и их сестры по имени Хельга. Все трое обладают разными характерами, и их отношение к расставанию с родными краями и дальнему плаванию оказывается разнообразным. В романе одним из

персонажей является рабыня родом с Гебридских островов, описываются подробности плавания, присвоения земли, языческие обряды. Героический дискурс уступает место будничному, центральная фигура отважного первопоселенца уступает место фигурам женщин и детей. (См. [4, bls. 379-380]). Примечательно, что эта книга выпущена издательством „Námsgagnastofnun“, специализирующимся на учебной литературе для школьников, - т.е. описание заселения Исландии в ней следует воспринимать как некое основополагающее эталонное представление об этом историческом событии, которое должны получить юные читатели.

В исландской культуре много веков сохранялось восприятие Занятие земли как некоего начала её истории «с чистого листа» - это вошло в господствующий дискурс в историографии и оттуда перешло в художественную литературу. Но в XXI веке филологи и историки всё чаще обращают внимание на то, что скандинавоцентричный дискурс здесь может быть не вполне корректен. В тексте «Книги о занятии земли упоминается, что до появления в Исландии скандинавов на острове жили некие ирландские монахи-отшельники, очевидно, не воспринимающиеся как «настоящее» население острова [6, bls. 31-32]. Мнения об их количестве и их влиянии на природу острова и об их взаимоотношениях со вновь прибывшими скандинавами могут быть самыми разнообразными. (См., напр., [4], [11]. Также в заселении острова принимали участие не только одни скандинавы, но и представители других народов и культур [13] (которые, возможно, были рабами).

Ирландские монахи находятся в центре повествования в рассказе Steinunn G. Helgadóttir «Литургия» (Tíðasöngur, 2023), где герои пускаются в плавание по следам св. Брендана, заходят на множество островов и остаются на последнем, абсолютно безлюдном, в описании которо-

го безошибочно узнаётся исландский пейзаж с чёрным песком, горами и дымящимися горячими источниками [10].

Особо следует выделить роман Вильборг Давидсдоттир «Кровавая земля» (Blóðug jörð, 2017), заключительную книгу в её трилогии об Ауд Мудрой. В романе Вильборг описано, как Ауд Мудрая с семьи и домочадцами отправляет с Гебридских островов на корабле, который велела построить тайком. (Прежде, чем доплыть до Исландии, Ауд сделала остановку на Оркнейских и на Фарерских островах, где выдала своих дочерей замуж. Хронология в романе нелинейная). Роман открывается подчёркнуто будничной сценой: Ауд ночью встаёт проведать ребёнка – и видит землю. Исландия описана как пространство, о котором героиня что-то слышала: в описании земли присутствуют отсылки к известным ей людям, исландские топонимы, героине уже известно, кто занял землю на острове: для неё Исландия – не «терра инкогнита», а уже обжитое и окультуренное пространство. Однако вскоре выясняется, что это заочно знакомое пространство негостеприимно: пейзаж мрачен; герои не могут причалить из-за прибоя, и их корабль разбивается. [12, bls. 17-18ff]. Дискурс «заселения земли» становится во-первых, женским, а во-вторых, кельтоцентричным: у самой Ауд много домочадцев-ирландцев, а первые, кого она встречает в Исландии – ирландский отшельник и живущие у него кельты: Эльвин и его приёмная дочь – маленькая девочка Кириин. В романе упоминается эпизод из «Книги о занятии земли»: когда Ингольв занял землю вместе со своим побратимом Хьёрлейвом. Однако «исландский первопоселенец №1» в романе почти не упоминается, а Хьёрлейв, напротив, играет там существенную роль. В самой «Книге о занятии земли» был эпизодическим персонажем, и о его жизни в Исландии известно следующее: он был убит своими ирландскими рабами. [6, bls. 42-43].

В романе Вильборг Хьёрлейва часто вспоминают персонажи-кельты и характеризуют его как сурового рабовладельца. То, что в «Книге о занятии земли» было проходным эпизодом, в «Кровавой земле» становится основой для важной сюжетной линии, связанной с Эльвином и Кирином: Кирин оказывается незаконнорожденной дочерью Хьёрлейва от ирландской рабыни, и эти персонажи рискуют быть узванными другими скандинавами; Ауд старается оградить их от неприятностей – и, в частности, эта необходимость в романе становится причиной её передвижений по Исландии.

История заселения Исландии в интерпретации Вильборг сильно отличается от дискурса официальной историографии: Исландия выходит не скандинавской и языческой, а кельтской и христианской. В романе очень много вкраплений на ирландском языке, в т. ч. цитируется псалом.

Об Ауд (Унн) Мудрой существует два основных древнеисландских источника: «Сага о людях из Лососьей долины», где она язычница, и после смерти её хоронят в кургане, - и «Книга о занятии земли», где она христианка; согласно этому источнику, Ауд просит похоронить её на приливной полосе, т. к. не желает после смерти лежать в неосвящённой земле). В книге Вильборг Давидсдоттир описание Ауд в целом следует «Книге о занятии земли», однако некоторые события её жизни в Исландии подвергаются в романе переосмыслению. Например, в «Книге о занятии земли» есть эпизод: Хельги Бьолан, родич Ауд, у которого она первоначально попросила пристанища в Исландии, оказал ей неуважение тем, что встретил её со слишком малочисленной свитой, и поэтому она не пожелала дольше оставаться у него и отправилась жить в другую часть острова. У Вильборг её уход от Хельги получает другую мотивировку: Хельги не пускает на порог половину из её ирландских домочадцев из-за

их сословной принадлежности, и Ауд не может простить ему это. [12, bls. 264ff].

Эпилог романа – бытовая сцена, в которой Ауд и её семья занимаются хозяйством и нянчат детей; там присутствует ребёнок Олав Фейлан, внук Ауд, про него отмечается, что он знает по-гэльски больше слов, чем по-скандинавски, и Ауд учит его исландским словам (обозначениям исландской фауны), затем ставит его на землю и говорит: „Gakktu nú einn og sjálfur!“ («А теперь иди один и сам!») [12, bls. 289-291]. Эту сцену можно интерпретировать следующим образом: вместо нестандартной, кельтской и женской истории Исландии, показанной в романе, скоро начнётся традиционный дискурс: скандинавский и мужской: по исландской земле запагал исландец нового поколения, потенциальный носитель скандинавской культуры. Но при этом поддерживает его всё равно Ауд, которая в романе выступает как носитель не национального, а космополитического сознания и христианства. Эту сцену можно интерпретировать таким образом, что традиционный исландский национальный дискурс вырастает из другого начала, даже из прямо противоположного.

У романа есть послесловие, в котором Вильборг объясняет методы своей работы с источниками, в т. ч., почему она выбрала именно версию «Книги о занятии земли», а не «Саги о людях из Лососьей долины», а также происхождение имён авторских кельтских персонажей (их имена созданы на основе топонимов Южной Исландии). [12, bls. 295-300].

Заселение Исландии в интерпретации исландских авторов XXI в. перестаёт быть событием лишь национального масштаба, а становится фактом общей истории Северной Европы.

Одновременно в XXI в. оно перестаёт восприниматься в литературе как явление символического, мифологического порядка. В литературе конца

XX в. апелляция происходит именно к символическому статусу Заселения Исландии и его деятелей (которые описаны так, что при этом стирается граница между живым человеком и памятником, как в рассматривавшихся здесь стихотворениях Тоурарина Эльдъяуртна и Мегаса), то в текстах XXI в. отсылки к этому статусу редки. Показательно, что если в 1970-1990х гг. к теме Заселения в основном обращались поэты, то в XXI в. к ней обращаются авторы исторических романов: род литературы, в котором важен символический и эмоциональный статус значимого события (и отношения поэта к нему), сменяется родом литературы, подразумевающим реалистическое описание деталей.

Происходит эволюция в осмыслении Занятия земли. В XX в. авторы, обращавшиеся к этой теме, исходили из

того, что имеют дело с широко известным (и даже заезженным) топосом, из чего следует, что пересказывать в произведении всем известный сюжет (о столбах от почётного сидения, о воронах и пр.) нет смысла, важнее выразить собственные впечатления от него. (И при этом можно позволить себе иронию или юмор). Но в XXI в. перспектива меняется с национальной на универсальную. Вопрос ставится не: «Что это событие значит для исландского народа и его национальной идентичности?», а «Что это событие значит для читателя как человека с его эмоциями?», не «Заселение – событие, которое обязан знать и чтить каждый исландец», а «Заселение – прежде всего событие, в котором участвовали живые люди со своими чувствами». Символизм уступает место психологизму, а ирония исчезает.

Список источников и литературы²

1. Сигурд Паульссон. ВСЁВЗЯЛСТИХ. Пер. О.А.Маркеловой. М., 2002. URL: <https://dimentionen.wixsite.com/haabetstrae/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%8B> (дата обращения: 01.11.2023)
2. Торарин Эльдъяуртн (пер.О.А.Маркеловой) // Русское поле. Содружество литературных проектов.7/ 2016. URL: <http://ruszhizn.ruspole.info/node/7557> (дата обращения: 01.11.2023)
3. Adolf Friðriksson and Orri Vésteinsson. “Creating a Past: A Historiography of the Settlement of Iceland”. In: Contact, Continuity and Collapse. The Norse Colonization of the North Atlantic. Edited by James H. Barrett. Brepolis, 2003. Pp. 139-161.
4. Gunnar Karlsson. Landnám Íslands. Handbók í íslenskri miðaldarsögu II Háskólaútgáfan, Reykjavík, 2016
5. Hoefig, Verena: „Foundation Myth in Sturlubók: An Analysis of the Tale of Ingólfr and Hjörleifr“. In: Sturla Þórðarson: Skald, Chief in and Lawman (ed. Jón Viðar Sigurðsson & Sverrir Jakobsson), Brill, 2017. Pp. 70-82.
6. Íslendingabók. Landnámabók. Fyrri hluti. Jakob Benediktsson gaf út. Hið íslenska fornritafélag. Reykjavík 1986
7. Markelova O. Receptionen af den oldislandske litteraturarv i den islandske digtning i afslutningen af det 20. århundrede: digte af Sigurður Pálsson. Scandinavian Philology, 2020, vol. 18, issue 1, pp. 131–141.
8. Megas. Textar 1966-2011. JPV útgáfa, Reykjavík 2012
9. Sigurður Pálsson. Ljóð námu safn, JPV útgáfa, Reykjavík 2008
10. Steinunn G. Helgadóttir. Tíðasöngur. / Stelkur. Smásagnavefrit. Haust 2023. URL: https://stelkur.is/?page_id=116&fbclid=IwAR0gONh2Zv5hzHrqrPUeBOHU9mb50JcEV8B-RR3w0Ry37QEdvv_qhYhB7o (дата обращения: 13.10.2023).

² В списке литературы принят порядок, применяющийся в исландских библиографиях: труды исландских авторов вносятся в алфавитный список на ту букву, с которой начинается их личное имя, в связи с отсутствием у большинства исландцев фамилий и наличием лишь отчеств.

11. *Um landnám á Íslandi. Fjórta erindi. Guðrún Ása Grímsdóttir (ed.) Vísindafélag Íslendinga, Reykjavík 1996*
12. *Vilborg Davíðsdóttir. Blóðug jörð. Mál og menning, Reykjavík 2017.*
13. *Wilson, Kendra Jean. „Hidden Languages in Early Iceland“. In: Íslendingasögur. 17. Alþjóðlega fornsagnabíngið/ 17th International Saga Conference, Reykjavík og Reykholti, 12.-17. ágúst 2018, pp. 183-184*
14. *Þórarinn Eldjárn. Kvæðasafn. Vaka-Helgafell, Reykjavík 2008*

Маркелова Ольга Александровна - кандидат филологических наук, независимый исследователь (г. Москва, Россия), dimentionen@yahoo.dk

PERCEPTION OF THE SETTLEMENT OF ICELAND IN ICELANDIC FICTION OF THE 1970-2020IES

O. A. Markelova

Representation of the settlement of Iceland in modern Icelandic prose and poetry has undergone massive changes during the last 50 years. In the second half of the 20th century the plot of the first settlers was regarded as a widely known national topos, of first and foremost emotional and symbolic value, which could be exposed to ironical attitude, being the matter of common knowledge. In the literature of the 21st century the focus of attention is not on the symbolic, but on the historical and the psychological dimension of the Settlement.

Keywords: perception, The Book of the Settlement of Iceland, Landnámabók, Old Icelandic literature, Icelandic poetry of the 20th century, Icelandic prose of the 21st century, historical novel, poetry.

References

1. Sigjurd Paul'sson. VSJoVZJaLSTIH. Per. O. A. Markelovoj. M., 2002. URL: <https://dimentionen.wixsite.com/haabetstrae/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%8B> (accessed: 01.11.2023) (In Russ)
2. Torarin Jel'djartn (per.O. A. Markelovoj) // Russkoe pole. Sodruzhestvo literaturnyh proektov.7/ 2016. URL: <http://ruszhizn.ruspole.info/node/7557> (accessed: 01.11.2023) (In Russ)
3. Adolf Friðriksson and Orri Vésteinsson. "Creating a Past: A Historiography of the Settlement of Iceland". In: Contact, Continuity and Collapse. The Norse Colonization of the North Atlantic. Edited by James H. Barrett. Brepolis, 2003. Pp. 139-161.
4. Gunnar Karlsson. Landnám Íslands. Handbók í íslenskri miðaldarsögu II Háskólaútgáfan, Reykjavík, 2016. (In Icelandic)
5. Hoefig, Verena: „Foundation Myth in Sturlubók: An Analysis of the Tale of Ingólfr and Hjörleifr“. In: Sturla Þórðarson: Skald, Chieftain and Lawman (ed. Jón Viðar Sigurðsson & Sverrir Jakobsson), Brill, 2017. Pp. 70-82
6. Íslendingabók. Landnámabók. Fyrri hluti. Jakob Benediktsson gaf út. Hið íslenska fornritafélag. Reykjavík 1986 (In Icelandic)
7. Markelova O. Receptionen af den oldislandske litteraturarv i den islandske digtning i afslutningen af det 20. århundrede: digte af Sigurður Pálsson. Scandinavian Philology, 2020, vol. 18, issue 1, pp. 131–141. (In Danish)
8. Megas. Textar 1966-2011. JPV útgáfa, Reykjavík 2012 (In Icelandic)
9. Sigurður Pálsson. Ljóð námu safn, JPV útgáfa, Reykjavík 2008 (In Icelandic)

10. Steinunn G. Helgadóttir. Tíðasöngur. / Stelkur. Smásagnavefrit. Haust 2023. URL: https://stelkur.is/?page_id=116&fbclid=IwAR0gONh2Zv5hzHrqkPUeBOHU9mb50JcEV8B-RR3w0Ry37QEdvv_-qhYhB7o (accessed: 13.10.2023). (In Icelandic)
11. Um landnám á Íslandi. Fjórta erindi. Guðrún Ása Grímsdóttir (ed.) Vísindafélag Íslendinga, Reykjavík 1996 (In Icelandic)
12. Vilborg Davíðsdóttir. Blóðug jörð. Mál og menning, Reykjavík 2017 (In Icelandic)
13. Wilson, Kendra Jean. „Hidden Languages in Early Iceland“. In: Íslendingasögur.
17. Alþjóðlega fornsagnaþingið/ 17th International Saga Conference, Reykjavík og Reykholti, 12.-17. ágúst 2018, pp. 183-184
14. Þórarinn Eldjárn. Kvæðasafn. Vaka-Helgafell, Reykjavík 2008 (In Icelandic)

Markelova Olga Alexandrovna - Candidate of Philological Sciences, independent researcher (Moscow, Russia), dimentionen@yahoo.dk

Статья поступила в редакцию: 02.11.2023; принята к публикации: 10.01.2024.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Маркелова О. А. «Рецепция заселения Исландии в исландской художественной литературе 1970-2020х гг.» // Социогуманитарные коммуникации. – 2024. – № 1(7). – С. 21-30.

FOR CITATION:

Markelova O. A. Recepcija zaselenija Islandii v islandskoj hudozhestvennoj literature 1970-2020h gg. [Perception of the settlement of Iceland in icelandic fiction of the 1970-2020ies]. // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2024. № 1(7). P. 21-30.